

УДК 81'42

**ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО ТЕКСТА:
АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА А. А. ФЕТА, Я. П. ПОЛОНСКОГО,
А. А. ГРИГОРЬЕВА**

© *Новокрещенных Елена Георгиевна*

кандидат филологических наук, преподаватель русского языка и литературы,
Колледж искусств им. П. И. Чайковского
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, пр. Победы, 17
E-mail: ya.elelanov01@yandex.ru

Статья посвящена языковым особенностям воспоминаний поэтов второй половины XIX столетия. Воспоминания — наименее изученная часть творчества рассматриваемых поэтов. Исследование автобиографических произведений способствует получению целостного представления о художественном мире художника слова, особенностях мировосприятия и мировоплощения. Образ «я» — это оформление автобиографического импульса и автобиографического намерения средствами языка. В автобиографической прозе он возникает в результате самообъективации. Являясь важным языковым элементом повествования, местоимение «я» стягивает на себя все внутри — и внетекстовые связи, создавая особую поэтику литературы воспоминаний. С одной стороны, повествователь играет роль активно действующего, мыслящего и вспоминающего субъекта, создающего автобиографический текст; с другой — функционирующий субъект служит объектом описания. Жанровая особенность литературы воспоминаний состоит в особой субъектно-объектной структуре. В автобиографических произведениях присутствие повествующего «я» обязательно, т.к. оно составляет основу мемуарно-автобиографического жанра и как предмет его рассказа, и как его способ, то есть как его объект и субъект.

Ключевые слова: воспоминания, автобиографическая проза, автобиографический герой, образ «я», самообъективация, память.

Основания для написания автобиографической прозы заключаются во внутренней потребности авторов объяснить свой жизненный путь, осмыслить обстоятельства жизнедеятельности. Установка на повествование от первого лица в автобиографической прозе определяет и повествовательную интонацию, и форму изложения в виде непосредственного рассказа. Под образом «я» в структуре повествования обнаруживаются непосредственно автор-повествователь и объективированный герой-рассказчик, являющийся автобиографическим героем произведения.

Самообъективация в автобиографических текстах проявляется прежде всего в самоописании и самохарактеристике автобиографического героя. Значимыми для самообъективации являются описания окружавших автобиографического героя в прошлом предметов, мест, природных явлений. Для истории своего «я» важны первые воспоминания и размышления. Для А. А. Григорьева в «Моих литературных и нравственных скитальчествах» таким воспоминанием является Замоскворечье. Он хорошо знал и любил данное место и поэтому с особой поэтичностью описывал сооружения, природу этого старинного района Москвы. Топос Замоскворечья функционально значим для самопрезентации автобиографического героя. Начало духовного развития автобиографического героя связано с переездом семьи Григорьевых в Замоскворечье: «Воскормило, возлелеяло меня Замоскворечье. Не без намерения напираю на этот местный факт моей личной жизни. Быть может, силе первоначальных впечатлений обязан я развязкою умственного и нравственного процесса, совершившегося со мною...» [1, с. 9]. Автор детально описывает окрестности Замоскворечья, отмечая: «особый характер, особый цвет и запах жизни у юго-восточного Замоскворечья, которое тянет к Симонову (монастырю), и у южного и юго-западного, которые «тя-

нут» к Донскому...» [1, с. 20]. Для автобиографического героя, таким образом, важным является не просто воспроизвести в памяти детские впечатления о Москве и Замоскворечье, но подчеркнуть духовное значение, историческую сущность этого топоса.

На протяжении детских лет поэт менял места жительства, но несмотря на это с малых лет он помнил о «своей Аркадии». Так он называл дом помещика Козина у Тверских ворот, в котором семья Григорьевых жила, когда будущему писателю было пять лет. Жизнь в этом доме представлялась герою «залитою каким-то светом», он не раз, будучи уже взрослым, захаживал в этот двор, «стараясь припомнить уголки, где игрывал в младенчестве». С сердечной теплотой и душевным волнением вспоминает автор этот дом: «Помню так живо, как будто бы это было теперь, что в пять лет у меня была уже Аркадия, по которой я тосковал, потерянная Аркадия. ...Этой Аркадией была для меня жизнь у Тверских ворот, в доме Козина» [1, с. 10-11]. Именно дом у Тверских ворот запечатлелся в памяти и сердце героя как символ детства, символ душевного тепла.

Совершенно по-иному описывает Григорьев свой дом на Болвановке: «Как теперь видится мне мрачный и ветхий дом с мезонином, полиняло-желтого цвета, с неизбежными алебастровыми украшениями на фасаде и чуть ли даже не с какими-то звёздами на плачевно-старых воротах, дом с дворянской амбицией, дом, в котором началось мое сознательное детство» [1, с. 21]. В этом случае субъективный, отрицательный взгляд автобиографического героя на дом подчёркивается сложными эпитетами, содержащими в себе негативную оценку: мрачный, ветхий, полиняло-желтого, плачевно-старых. Автор так поясняет своё отношение к данному жилищу: «...все время нашего там пребывания, продолжавшегося года четыре до покупки дома в другой, южной, стороне Замоскворечья, я относился к этому жилью и житью в нем с отвращением и даже с ненавистью и все лелеял в детских мечтах Аркадию Тверских ворот с большим каменным домом, наполненным разнородными жильцами, с шумом и гамом ребят на широком дворе, с воспоминаниями о серых лошадях хозяина, седого купца Игнатия Иваныча, которых важивал он меня часто смотреть в чистую и светлую конюшню...» [1, с. 21]. В приведенных отрывках дом на Болвановке и дом у Тверских ворот выступают как контрастные образы. Первый в сознании автобиографического героя — просто жилище, которое он вспоминает с чувством ненависти, второй — с чувством утраты Аркадии, дома, о котором в памяти сохранилось множество приятных впечатлений, несмотря на юный возраст героя.

Наиболее частотным в «Моих литературных и нравственных скитальчествах» А.А. Григорьева является употребление существительного «память» и производных от него предикатов: «помню», «вижу»: «*Как теперь видится* мне мрачный и ветхий дом с мезонином», «*я хорошо тебя помню*, продолговатая комнатка», «*помню я как теперь*», «*помню так живо*, как будто бы это было теперь», «*Помню*, что бессмысленно и вместе тоскливо... проглядел я с час на улицу». Названные предикаты выступают в качестве ведущего аспекта, устанавливающего целостность и связность произведения, служат сигналами автобиографической памяти. Употребление предикатов «*видится*», «*вижу*» означает перевод мемориальной деятельности в зрительный регистр (курсив здесь и далее наш — Е.Н.).

Средством самоописания и самохарактеристики служат запечатлённые в памяти автобиографического героя семейные портреты. В семейной атмосфере происходит раскрытие образа «я», т.к. автобиографический герой ярче, прозрачнее всего раскрывается в своем ближайшем окружении, в котором он выступает в различных ипостасях, исполняет многообразные социальные роли. Образ «я» в автобиографической прозе поэтов представлен как собиратель и хранитель информации об истории свое-

го рода, своей семьи, а также как продолжатель рода. Нам близка позиция современного исследователя А.А. Павловой, которая считает, что «память» в нарративе истории семьи выступает не только как когнитивная способность хранения, обработки и при необходимости воспроизведения информации, но и как особый вид памяти — «фамильной памяти», являющейся определенной морально-этической категорией» [4, с. 86]. Подчеркнём, что «Я» родовое — одна из ведущих ипостасей автобиографического героя в произведениях поэтов. Таким образом, воспоминания поэтов о детстве открывают внутреннюю сущность автобиографического героя. Пространственные образы, образы родителей и дворовых способствуют раскрытию авторского «я», выявлению тех психологических процессов, которые сыграли знаковую роль в формировании личности автора. Воспоминания о детстве являются основным способом самопрезентации образа «я».

Одним из способов подачи автобиографического материала в воспоминаниях поэтов является художественное осмысление жизненного пути героем, происходящее в процессе хронологической реконструкции последовательности автобиографических событий. Память является важным свойством автобиографического героя, именно благодаря ей происходит отбор личностно значимых фактов. Воспоминания изобилуют глаголами с семой «память». Например, у Фета в «Ранных годах моей жизни»: «Равным образом *не помню* нашего переезда во Мценск, в наёмный дом с мезонином...»; «*помню* себя снова на Новоселках, и с тех пор воспоминания мои проясняются до непрерывности» (курсив здесь и далее наш — Е.Н.).

В жизни автобиографического героя главная функция памяти восстановительная. Память в данных примерах — это воскрешение и представление некоего явления как ранее существовавшего в жизни автора. Память выступает хранительницей ценностей, помогает автобиографическому герою реконструировать события в хронологической последовательности. У А.А. Фета в большинстве случаев память реализуется как вместилище и хранилище информации. Это подчеркивается глаголами «удержать», «сохранить» и образованными от них причастиями: «В этот период *ребячья память* сохранила несколько совершенно ясных пятен»; «Однажды, догадавшись о важном собрании, я пробрался в маленькую девичью и могу передать только то, что отрывочно *удержалось в моей памяти*». Данные примеры могут быть интерпретированы и в философском ключе: память предстаёт как статический объект в виде монументального хранилища, которое оберегается от разрушительной силы забвения.

Сема «память» и сигналы припоминаний в автобиографических произведениях Я.П. Полонского также играют роль ключевых слов: они могут быть семантически вариативными, способствуют развитию авторской рефлексии. Воспоминания «Старина и моё детство» изобилуют примерами подобного рода: «...*помню*, как мать моя, по обыкновению, долго не спала и при свете одной сальной свечи читала романы из библиотеки моего дяди»; «*припоминаю*, что о смерти моей бабушки Александры Богдановны было как бы некое предсказание»; «*Помню* — меня ещё брали на руки (стало быть, лет мне было немного); «Тётушку я постоянно *помню* в одном и том же платье и чепце, а единственного слугу Павла в том же темно-синем сюртучке»; «*Помню*, с каким злорадным восторгом я набросился на все грамматические неточности...»; «*Помню*, что однажды у Павловых я встретил весьма благообразного иностранного немецкого графа, который, вероятно, узнав, что я говорю по-немецки, невзирая на свои почтенные лета, подсел ко мне и с видимым удовольствием стал на чужбине говорить о родной литературе». Память становится такой сферой, в которой жизнь автобиографического героя и осознание жизни сливаются, время и пространство преодолеваются, а далёкое и близкое, давнее и недавнее соединяются. Лексемы

с семьей «память» и производные от нее единицы являются своеобразным каркасом мысленных воспроизведений прошедших событий. В мнемонической формуле «я вспоминаю» акцентируется активная работа автобиографического героя, соединяющего воедино прошлое и настоящее, а точнее — переводящего план прошлого в план настоящего.

Литература

1. Григорьев А. А. Мои литературные и нравственные скитальчества // Воспоминания. М.: Наука, 1988. С. 5–82.
2. Затеева Т. В., Новокрещенных Е. Г. Автобиографическая проза поэтов XIX века: А. А. Григорьев, Я. П. Полонский, А. А. Фет. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. 128 с.
3. Новокрещенных, Е. Г. Категория памяти в автобиографической прозе (на материале автобиографической повести А. А. Фета «Ранние годы моей жизни») // Ломоносов-2008: материалы XV Междунар. науч. конф. М.: Изд-во МГУ, 2008. С. 432–433.
4. Павлова, А. А. Жанр, гипертекст, интертекст, концептосфера. Белгород: Изд-во Бел. ГУ, 2004. 162 с.
5. Полонский Я. П. Признания Сергея Чалыгина; Женитьба Атуева; Воспоминания // Сочинения: в 2 т. М., 1986. Т. 2.
6. Фет А. А. Ранние годы моей жизни. Мои воспоминания // Воспоминания. М.: Правда, 1983. 496 с.

LANGUAGE FEATURES OF FEATURES OF AUTOBIOGRAPHICAL TEXT'S:
AUTOBIOGRAPHICAL PROSE OF A. A. FET, Y. P. POLONSKYI, A. A. GRIGORIEV

Elena G. Novokrescennykh

Candidate of philology, teacher of Russian language and literature
«College of arts. P. I. Tchaikovsky»
17, Victory Avenue, Ulan-Ude, 670000, Russia,
E-mail: ya.elelanov01@yandex.ru

The article is devoted to the linguistic features of the poets' memories of the second half of the 19th century. Memories—the least studied part of the creativity of the poets in question. The study of autobiographical works contributes to a holistic view of the artistic world of the artist's words, the peculiarities of perception of the world. The image of «I» is the design of autobiographical impulse and autobiographical intention by means of language. In autobiographical prose it arises as a result of self-objectification. As an important linguistic element of the narrative, the pronoun «I» pulls together all intra — and extra-textual connections, creating a special poetics of literature of memories. On the one hand, the narrator plays the role of an active, thinking and remembering subject, creating an autobiographical text. On the other hand, a functioning subject serves as an object of description. The genre feature of the literature of memoirs consists in a special subject-object structure. In autobiographical works, the presence of the narrator «I» is obligatory, because it forms the basis of the memoir-autobiographical genre and as the subject of his story, and as his way, that is, as his object and subject.

Keywords: memories; autobiographical prose; autobiographical hero; image of «I»; self-objectification; memory.